1
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№10 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов Октябрь 1952

Солнце родины светит над нами.
Сколько света и счастья кругом!
Мы несём над землёй наше знамя —
Имя Ленина гордо несём.

Мы в работе большой не устанем!
И сильней нашей родины нет,
Мудрой Партии тёплым дыханьем
Каждый подвиг народа согрет.

Мы прошли по дорогам суровым,
Мы за Сталиным к цели идём.
Ленин — Сталин — Победа — три слова
Мы на знамени нашем несём!

М. СВЕТЛОВ

Государственная
ордена
БИБЛИОТЕКА
им. В.И.

Иосиф Виссарионович
СТАЛИН.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Мих. ЖЕСТЕВ *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

ЗЕМЛЯ НИКИТЫ КОСТЕНКОВА

Никита Костенков был страстным путешественником. Правда, ему шёл лишь девятый год и в своих путешествиях он не заходил дальше леса, окружавшего колхоз «Пятилетка», но даже там он мечтал открыть какую-нибудь неведомую землю. Ну хотя бы очень маленькую. Ведь тогда бы её назвали землёй Никиты Костенкова.

Однажды ранним летним утром, готовясь в очередное путешествие, Никита узнал, что с ночной пастьбы пропал вороной дончак Певный.

Как настоящий путешественник, Никита, конечно, заранее продумал маршрут, захватил с собой компас и предусмотрительно раздобыл себе уздечку, чтобы, найдя Певного, торжественно вернуться на нём в деревню. Никита прежде всего направился на пастбище. Там он внимательно исследовал лесную опушку, рассчитывая напасть на след дончака. Но ивовые кусты на опушке были целы, трудно было обнаружить какие-нибудь следы и на траве. Тогда мальчик поспешил в глубь леса, к небольшому озеру. Кто знает, может быть, утром Певный приходил туда на водопой.

Действительно, на песчаной отмели озера Никита увидел следы подков. Небольшие, с ямками от шипов, они тянулись вдоль песчаного мыска, поднимались вверх на пологий берег и шли к просеке. Следы не всюду были одинаковые: то слегка отпечатывались, то вдруг взрывали землю лесной дороги, и можно было сказать, где Певный шёл совершенно спокойно, а где переступал лёгкой рысью.

Посреди просеки дончак почему-то свернул с дороги в сторону, пробрался сквозь заросли придорожной малины и пошёл в лесную, поросшую мохом чащу.

Никита так увлёкся розысками, что не заметил, как очутился в незнакомом тёмном бору. Вокруг теснились хмурые вековые ели, и казалось, что сюда никогда не заглядывает солнце. А тут ещё совсем потерялся след Певного. И Никите стало немного не по себе. Не то что ему стало очень страшно, нет, но всё же он невольно подумал: а не вернуться ли ему назад? Однако Никита преодолел минутную слабость и продолжал свой путь вперёд через тёмный сумрачный лес.

Постепенно стало светлеть. Хмурый бор сменился солнечным мелколесьем. И вдруг Никита увидел в тени орешника крепкого, поджарого воронога коня.

— Певный, это ты? Певный! Ишь ты, куда забрался! — говорил Никита, накидывая на коня уздечку. — А теперь и домой пора!

Домой — это легко сказать! А где дорога, которая ведёт к дому? Никита взобрался на спину дончака и, удобно усевшись верхом, достал из кармана компас. Ему ничего не стоило установить, где север, где юг, но, определив стороны света, он всё-таки не мог сказать, куда ему ехать, чтобы попасть домой, в свой колхоз «Пятилетку».

Что тут было делать Никите? Когда неизвестно, куда итти: на север или на юг, на восток или на запад, то ничего не остаётся, как итти наугад, в пятую сторону света, как шутя говорят путешественники. Так и поступил Никита. Он слегка толкнул каблуками сапог мягкие бока Певного и, засовывая в карман оказавшийся бесполезным компас, тронулся в неизвестный путь.

Он ехал, не спеша и оглядываясь по сторонам, пока мелколесье не привело его к большой поляне.

Никита миновал поляну и уже был готов снова въехать в лес, на этот раз светлый сосновый бор, когда увидел на опушке мальчика без шапки, в сандалиях на босу ногу и с большим мешком, куда он бросал горсти сорванных, уже увядших клеверных головок.

Никита очень обрадовался неожиданной встрече, но решил не говорить о том, что заблудился, и как-нибудь незаметно расспросить незнакомого мальчика о дороге. Поэтому, поздоровавшись, он прежде всего узнал, что мальчика зовут Костей, потом завёл речь о том, что в его колхозе ребята уже на прошлой неделе собрали по мешку клеверных головок, и при этом счёл необходимым заметить, что лучше его колхоза в районе нет.

— Скажешь тоже — лучше вашего колхоза нет! — бросив рвать головки клевера, проговорил Костя. — А ты знаешь, кто у нас председатель? Герой Советского Союза.

— У нас председатель тоже Герой Советского Союза, — не замедлил, в свою очередь, сообщить Никита.

— А у нас весной озимые с самолёта подкармливали!

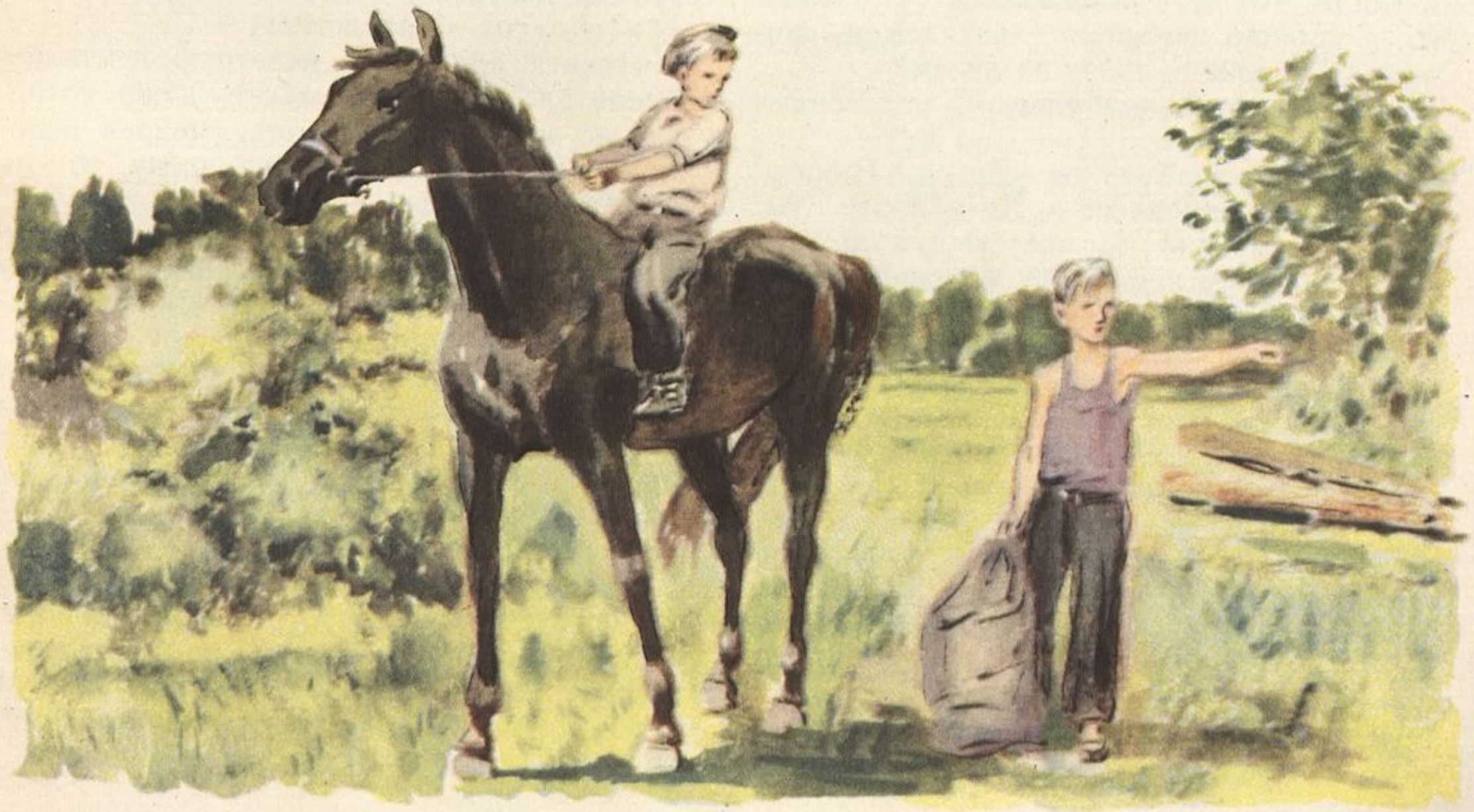
— И у нас тоже! — тряхнул повод Никита. — И ещё как: на бреющем полёте!

— А электричество у вас какое? Нам с плотины идёт!

— И у нас с плотины... Подумаешь, невидаль! А вот скажи: есть у вас такой дончак?

— А что думаешь, нет? — вызывающе бросил Костя. — Дончак нашего колхоза в городе первый приз на бегах взял!

— Первый? — переспросил Никита. — Это когда взял?



— Зимой.

— Зимой? Не может быть! Зимой наш дончак первый пришёл.

— Врёшь ты...

— Сам врёшь!

После такого разговора ничего не оставалось, как помолчать. Не в драку же лезть! Да и кулаками не докажешь, чей колхоз лучше. Первым несколько примиряюще заговорил Никита. Спор спором, а ведь ему надо ещё узнать, где дорога на «Пятилетку».

— Ну ладно, ты скажи, твой колхоз далеко отсюда?

— Нет, сразу за лесом, — ответил Костя. — «Пятилетка» наш колхоз...

— Как? «Пятилетка»?.. — Никита от неожиданности так резко перегнулся к Косте, что чуть не свалился с Певного, — хорошо, во-время схватился за гриву. — Говоришь, сразу за лесом?

— Километра не будет, — подтвердил Костя.

— Километра? — переспросил Никита. И вдруг рассмеялся: — Ну и врать ты, Костька, умеешь! И всё выдумал: что председатель у вас Герой, и про плотину, и насчёт дончака...

— Сам ты соврал, — обиделся Костя.

— А кто сказал, что «Пятилетка» сразу за лесом? Кто? Ну говори! — потребовал Никита.

— Я, — охотно подтвердил Костя.

— Так как же она сразу за лесом, когда до неё километров десять, не меньше?

— Сколько?.. Это до «Пятилетки»-то десять километров?

— Да, не меньше, — подтвердил Никита. — Что-что, а свой колхоз я знаю, мимо не пройду.

— Ладно, поезжай за мной, — сказал Костя.

Никита ехал шагом, оглядываясь по сторонам. Лес был незнакомый, и, конечно, он не мог быть у самого колхоза «Пятилетка». Что-то напутал Костя. Но вот лес кончился, и с опушки Никита увидел большую незнакомую деревню. Он остановил Певного и спросил Костю:

— Это и есть твоя «Пятилетка»?

— Она самая.

— И ничего похожего! Вот разве что школа такая же каменная да сад большой...

Костя ничего не ответил, повернулся и быстро зашагал к деревне. Но у самой околицы он остановился и, показывая на большую, прибитую к столбу доску, громко произнёс:

— Колхоз «Пятилетка»!

Никита подъехал вплотную к столбу, прочитал надпись на доске, даже потрогал её и некоторое время смотрел непонимающими глазами то на доску, то на деревню. Наконец он сказал:

— Знаешь, наверное, в районе две «Пятилетки». Ведь вот говорят: первая пятилетка, вторая, ещё довоенная, послевоенная. Ты как думаешь?

— Это может быть, — согласился Костя. — Только почему же всё-таки всё одинаково в них? Ты не врал насчёт председателя? И что электричество от воды, и про первый приз?

— Нет! Чего же врать!

Никита слез с Певного, пустил его по траве, густо растущей у обочины дороги, а сам присел на торчащий из земли валун. К нему примостился Костя; они вдвоём стали разрешать трудную задачу.

— А у вас в колхозе бык сердитый?

— Очень...
— И ферму овчарка сторожит?
— Сторожит.
— Опять всё одинаково получается, — вздохнул Никита.

И вдруг он вскочил с камня, бросился к Певному и был готов уже скакать навстречу высокому человеку, идущему по улице к широко распахнутым дверям хлебных амбаров. Это шёл Тимофей Васильевич, сам председатель колхоза! Вот сейчас Никита докажет, чей колхоз лучше и чей дончак первый приз взял на бегах...

Тимофей Васильевич подошёл к ребятам и сразу догадался, что Никита разыскал Певного. Он похвалил Никиту, но тот словно не слышал его. Едва Тимофей Васильевич умолк, мальчик спросил его:

— Тимофей Васильевич, а какой колхоз лучший в районе? Я говорю — наш, а он говорит — их...

— Нет, наш, а не их, — перебил Костя.

— Тогда о чём спор? — улыбнулся Тимофей Васильевич.

— Да ведь он говорит — наш, а я говорю — наш, — пояснил Никита.

— Правильно, — согласился председатель колхоза. — Ты говоришь — наш, и он говорит — наш! И я тоже говорю — наш! Эх вы, незнакомцы! А ведь из одного колхоза.

Тимофей Васильевич отвёл Певного на конюшню, отдал распоряжение доставить лошадь на место и пошёл с Никитой к своей машине. И вскоре Никита тронулся в обратный путь домой. Он уже знал, что колхоз «Пятилетка» — это не только та деревня, где он живёт, а целых восемь деревень. И что вокруг, куда ни глянь, земля колхоза «Пятилетка». И вон то озеро, и вон тот лес, что за озером, и дальше, и дальше... Вон как размахнулись!.. И необъятный мир уже казался Никите близким, знакомым, своим.

Леса сменялись полями, холмами, низинами. То мелькала близ дороги речушка, то сверкало и кружилось блюдцем далёкое озеро, то возникала впереди какая-нибудь деревня. Как хорошо путешествовать по родным местам!.. Так бы и ехал и ехал без конца...

А машина продолжала свой путь. Она мчалась всё дальше и дальше, и вместе с ней открывалась перед Никитой новая земля. И он совсем не думал о том, что эта новая земля неведома лишь ему. Он открывал её заново — колхозную землю, землю Никиты Костенкова.

ГОРСТЬ ОРЕХОВ

КУДДУС МУХАММАДИ

По колхозному посёлку
Алимджан идёт домой.
Вдруг орехи на дороге
Видит он перед собой.

«Это спелые орехи,
Положу-ка их в карман.
Ой, а что учитель скажет?» —
Вдруг подумал Алимджан.

Скажет: «Ты нашёл орехи,
Пусть немного — десять, пять...
Это собственность колхоза,
Их нельзя без спросу брать!»

«Не возьму! — решает мальчик. —
Ни за что их не возьму!
Это собственность колхоза,
Мне понятно самому».

Он стучит в ворота сада,
Где орешина растёт.
Бригадир на стук выходит
К Алимджану из ворот.

Пионер поправил галстук
И сказал: «Я шёл домой,
Горсть орехов на дороге
Увидал перед собой.

Вот они. Уже созрели.
Их немного — восемь штук».
Бригадир сказал с улыбкой:
«Хорошо ты сделал, друг.
Не напрасно твой учитель
Говорил про долг и честь,
И за то ему спасибо...
А орехи — можешь съесть».

Перевела с узбекского А. Кардашова

С. МАРШАК

Рис. Ю. КОРОВИНА, Ф. ЛЕМКУЛЯ,
В. БЕЛЫШЕВА

Весёлое путешествие от А до Я

(Продолжение)

У

Заходим в школу на часок.
Стоят рядами парты,
И отвечают свой урок
Ученики у карты.

Вот первый школьник показал
Моря своей указкой.
Другой нашёл на ней Урал,
Потом хребет Кавказский.

Урал на карте очень мал —
В длину четыре пальца.
На карте нет утёсов, скал
И нет заводов, где металл
Готовят нам уральцы.

Учитель вслух прочёл рассказ —
И будто на Урале

На рудниках за этот час
Мы с вами побывали.

Мы постояли у печей
Завода на Магнитке,
Где, как сверкающий ручей,
Чугун струится жидкий.

Даёт Магнитная гора
Стране металла горы.
Идёт металл на трактора,
Турбины Волги и Днепра,
Станки, мосты, моторы...

В земле железная руда
Спала бессчётные года,
Скрывалась в недрах тёмных.
Но рудокоп её достал,
И вот металл
Заклокотал
В печах огромных —
Домнах.

Сейчас в ковши он будет течь,
Нас обдавая жаром.
Потом в мартеновскую печь
Пойдёт он к сталеварам.

Рассказ учитель нам прочёл —
И мы спустились в шахту.
В Кузнецкой шахте комсомол
Становится на вахту.

Он рубит, рушит чёрный пласт,
Дробит комбайном горным.
Стране угля он много даст
Своим трудом упорным.

И выйдут вновь на белый свет
Тепло, и свет, и сила,
Что столько миллионов лет
Земля во тьме таила.

Но вот кончается урок,
Идут гулять ребята.
А нас в живой свой уголок
Уводят два юнната.

Здесь, в уголке, живут ужи, —
Мы их берём без страха.
А вот синицы и чижи,
Морская черепаха.

У черепахи главный шеф —
Юннат Углов Володя.

Но нам пора на букву «Ф».
Плывём на пароходе.

Ф

Наш пароход всю ночь плывёт.
Морская гладь спокойна.
И вдруг в пути мы видим флот
Советский китобойный.

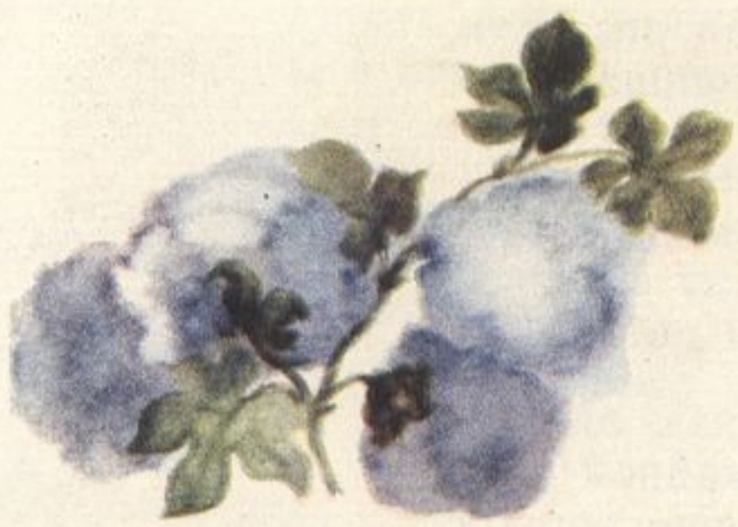
Он быстро движется к земле —
Соскучился по дому.
И флаг на каждом корабле
Рад ветерку родному!

Ходили фабрики-суда
Почти под самый полюс.
Они не раз с горами льда
И с бурями боролись.

А кит — бродячий великан —
Их обдавал волною,
Пустив морской воды фонтан
В пять метров вышиною.

Везёт флотилия в Союз
Китовый жир, китовый ус —
Добыча неплоха!

Мы проводили корабли,
А сами к гавани пошли,
К ближайшей букве — «Х».



Х

Недалеко от буквы «Х»,
Как снег, белеют вороха
Очищенного хлопка.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Откуда этот снег идёт?
Его даёт чудесный плод —
Хлопчатника коробка.

Полна коробка волокна.
В коробке зреют семена.
Когда же осенью она
Свои раскроет створки, —
Приходят дни уборки.

Уборка — хлопотливый труд.
Усердно хлопок соберут
Колхозы-хлопководы,
Потом на склады повезут,
Оттуда — на заводы.

Завод очистит волокно
Машиной многопильной,
А разрыхляется оно
На фабрике прядильной.

Затем берут его опять
В различные машины.
И ну трепать его, чесать,
Вытягивать и утончать,
Чтоб сделать лентой длинной

И не одно
Веретено
Пойдёт волчком крутиться,
Покуда в пряжу волокно
На нём не превратится.

Но снова едем мы в колхоз.
Нам встретился художник.
Он ящик с красками привёз
И свой станок — треножник.

Привёз художник и тетрадь
И белый холст на раме,
Углём он начал рисовать,
А мы — карандашами.

Нарисовали мы с холма
Поля колхозные, дома,
В полях уборку хлеба
И над полями небо.

Нарисовали, как вдали
По ниве урожайной
Проходят, словно корабли,
Могучие комбайны.

Нарисовали пастуха
У дома на крыльце.

Потом, покинув букву «Х»,
Пошли мы к букве «Ц».

Ц

У буквы «Ц», достав билет,
Мы побывали в цирке.
Медведь ведёт мотоциклет,
А цапли — пассажирки.

А вот наездник цирковой
Гарцует на осле.
Ногами вверх, вниз головой
Стоит он на седле.

Вот двое братьев-медвежат
Цепочку натянули,
И обезьяна-акробат
Качается на стуле.

У обезьяны на плече
Собака-танцовщица.

Но нам пора на букву «Ч»
Отсюда торопиться.

Ч

В пути нам захотелось пить.
И вдруг в дремучей чаще

Мы видим тоненькую нить —
Лесной ручей журчащий.

Поёт он чистым голоском,
Чешуйками струится.
И, наклонясь над ручейком,
Мы напились водицы.

Какая сладкая вода
Здесь, в чаще незнакомой!
Такой воды мы никогда
Не пробовали дома.

Наполнив чайник через край,
Мы воду вскипятили
И очень вкусный, свежий чай
В лесу из чашек пили.

Потом пошли мы не спеша
К соседней букве —
к букве «Ш».

Ш

Идём-бредём — за шагом шаг —
Весь день без остановки,
И вот пришли в универмаг
Купить родным обновки.

В универмаге продавцы
Нам шарфы показали,
Шелков различных образцы
И шерстяные шали.

Тут шапки, шляпы для ребят
Лежат в одном отделе,
В другом на вешалках висят
И шубы и шинели...

Здесь только нет для нас борща.
Его найдём у буквы «Щ».

Щ

У шипящей этой буквы
Щи и борщ кипят в котлах.
Сколько свёклы, сколько брюквы
И капусты на столах!

Сколько репчатого лука
На большой сковороде!
Лещ и карп, карась и щука
Тихо плавают в воде.

Перед каждой новой сменой
Здесь наводят чистоту.
Долго моют пол и стены,
Моют щётками плиту.

Всё начищено до блеска.
От кастрюль струится свет.
Здесь машина-мясорезка
Рубит мясо для котлет.

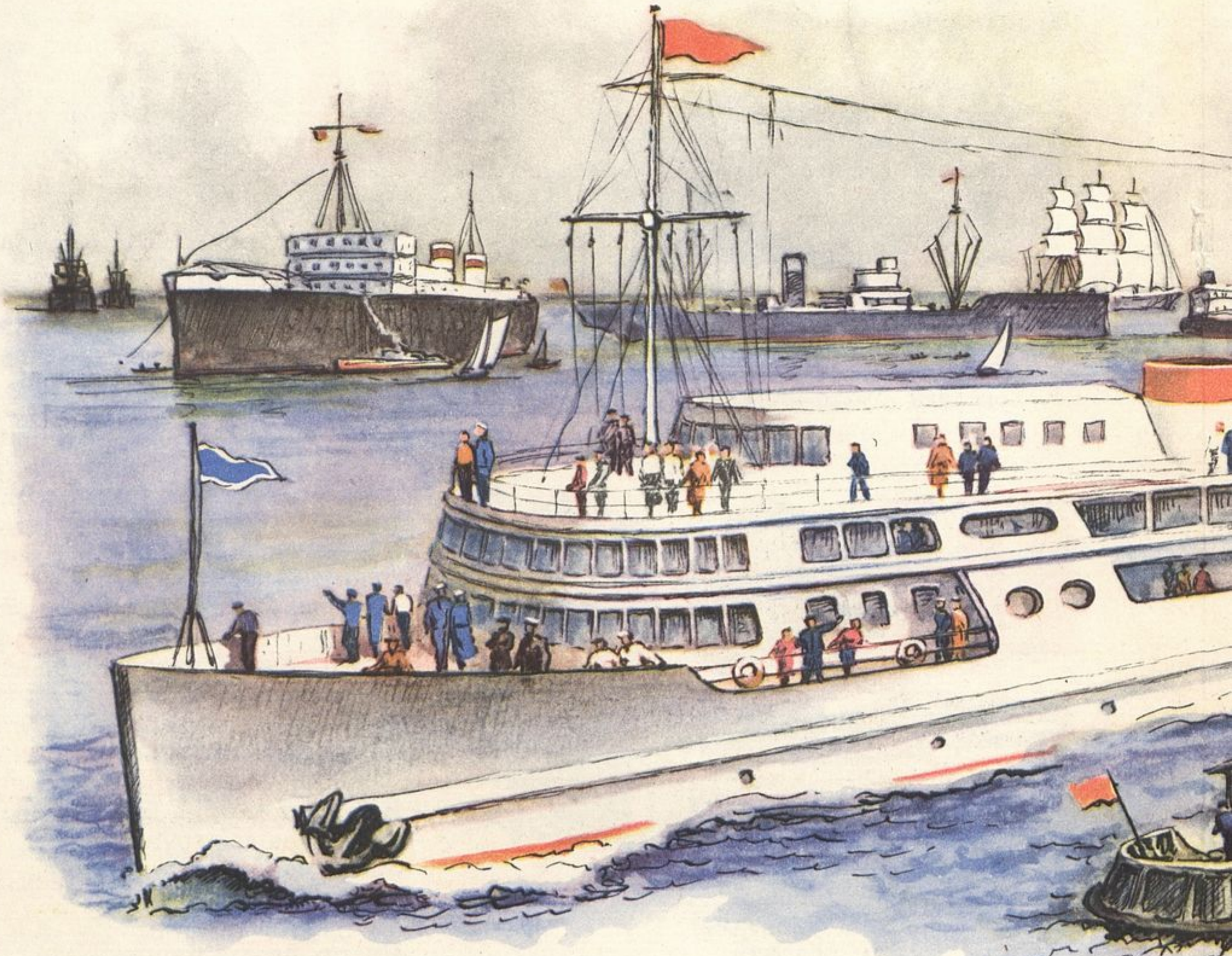
Чистит овощи машина,
Мелет кофе, режет сыр,
И с картошки лентой длинной
Сам снимается мундир.

Пищей свежей и здоровой
Кормит досыта народ
Эта фабрика жаркого,
Щей наваристых завод!

(Окончание следует)

Рис. В. БИБИКОВА

КОРАБЛИ НО



На речном корабле в море не выйдешь. А морскому кораблю в реке мелко.

Как быть теперь? Соберётся корабль из Москвы в Ростов. Выйдет к Дону, а там — настоящее море, только что вода не солёная.

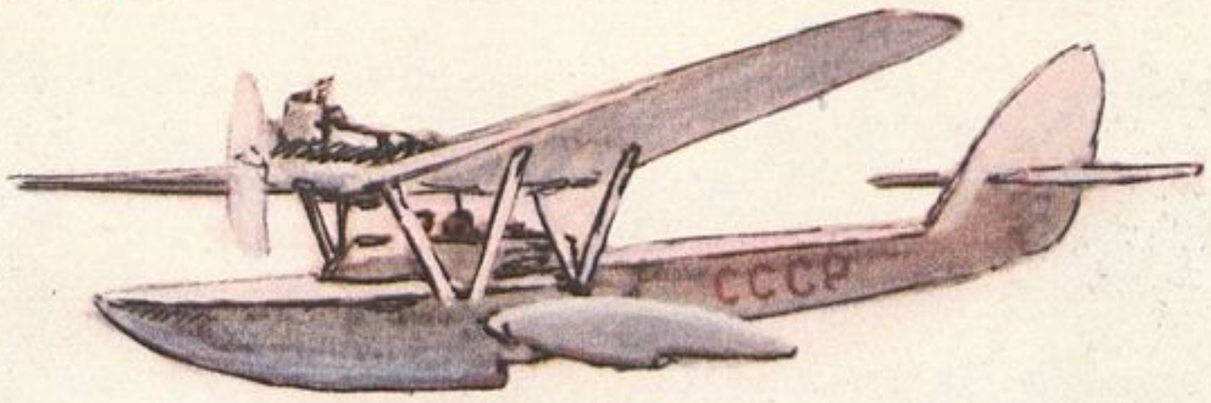
Вот поэтому, когда прокладывали Волго-Донской водный путь, сразу же и корабли начали строить такие, чтобы и по морю и по рекам могли ходить.

Тут в середине нарисован новый большой теплоход. На нём можно из Москвы прямо в Чёрное море ехать. Чуть правее — самоходная баржа. А ещё правее — буксир ведёт за кормой простые баржи.

Между баржами спешит куда-то глиссер — самый быстроходный корабль. По небу летит самолёт. А под ним, в новом порту на новом Цимлянском море — чего только нет! С моря пришли морские корабли, с рек — речные...

У моря маяки стоят — дорогу кораблям показывают. На берегу подъёмные краны устроены, причалы, подъездные пути — чтоб пассажирам было удобно, чтобы скорее нагружать и выгружать грузы, чтобы работать было легко.

ВЫХ МОРЕЙ



С. ЖЕМАЙТИС *Рис. В. ВЫСОЦКОГО*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТРУЖКА

По ночам Стружок и его хозяин, ночной сторож Пал Палыч, охраняли шлюпки водной станции. Собственно, охранял Стружок, а Пал Палыч, закрывшись тулупом, дремал в старом баркасе. Услышав подозрительный шум, Стружок вскакивал в баркас и начинал стягивать с Пал Палыча тулуп. Сторож, кряхтя, поднимался и кричал в темноту хриплым голосом:

— Кто там ходит? Вот я вам похожу, полуночники!

Утром Пал Палыч разводил огонь в печке, сделанной из корпуса пловучей мины, потом доставал из рундука, стоявшего на баркасе, мешочек с чечевицей.

— Хороший продукт, — говорил старик, лукаво посматривая на Стружка, и начинал пересыпать с одной заскорузлой ладони на другую звенящие зёрна.

Стружок терпеть не мог варёной чечевицы. Ел он её только в тех редких случаях, когда у соседнего причала не было судов. В корабельных кухнях — камбузах — для смышлёного пса всегда находилась вкусная еда.

Сегодня Стружок побежал завтракать на большой корабль, что вот уже целую неделю стоял под погрузкой недалеко от водной станции. Подбежав к дверям камбуза, Стружок встал на задние лапы и залаял.

— С добрым утром! — отозвался корабельный повар — кок — и заставил Стружка изобразить «лихого боцмана». Это была одна из забавных штук, которым научили моряки собаку.

Кок надел на голову Стружка бескозырку, а в зубы вставил трубку. Получился заправский «морской волк» с белой бородой и сивыми усами, очень похожий на Пал Палыча.

После представления Стружок сытно поел и прилёг у пенькового каната, свёрнутого в огромную катушку.

Проснулся Стружок от необыкновенной тишины. Не слышно было грохота лебёдок, свистков катеров, обычно сновавших по бухте. Только где-то глубоко внизу кто-то так тяжело дышал, что от этих вздохов вздрагивало всё судно. Почувствовав неладное, Стружок бросился к сходням, но на их месте он наткнулся на железную стенку. Во время своих поисков выхода с корабля он забежал на корму и вдруг почуял, что больше не пахнет землёй. Отовсюду ветер приносил запах тёплой морской воды.

Стружок сел и заскулил, глядя за корму, где далеко-далеко в вечерней дымке таяла узкая коричневая полоска.

— Ты что это расплакался? А ещё морской пёс! — проговорил матрос, проходивший по палубе.

От участия, которое слышалось в голосе матроса, и от прикосновения его ласковой руки Стружок заскулил ещё сильней.

Скоро Стружок привык к корабельной жизни. Только вечерами, когда наступало время дежурства с Пал Палычем, Стружок забегал на корму и смотрел на искрящуюся водяную дорожку, оставляемую корпусом корабля.

Всё дальше уходил корабль от родного порта. Он пересёк Японское море и вышел в Тихий океан, где вода была синяя, как густые чернила. В океане судно долго сопровождала стая дельфинов. Игривые животные то ныряли под судно, то купались в волнах, идущих от носа корабля, то выскакивали из воды. Стружок с лаем носился по палубе; ему казалось, что он тоже принимает участие в игре дельфинов.

Потом вода стала зелёной, а на горизонте показались белые вершины гор. Раз невдалеке поднялся высокий фонтан воды. Стружок залаял.

— Кит по левому борту! — крикнул вахтенный Пётр Быстров.

Это был тот самый матрос, что увидал Стружка на корме в первый день плавания. С тех пор Стружок не отставал от него и даже спал под койкой своего нового хозяина.

На корабле все любили весёлого пса. Только боцман иногда говорил с напускной строгостью:

— Развели мне собак! Вот придём в Анадырь, ссажу на берег.

Но скоро боцман даже в шутку не стал ворчать на Стружка.

В Беринговом море корабль попал в шторм. Пять суток команда боролась с ветром и волнами. На шестой день ветер стих. Низко над водой нависли серые тучи. Разбушевавшееся море попрежнему бросало корабль из стороны в сторону, словно он был игрушечный.

Не успело утихнуть море, как всё заволокло таким густым туманом, что с мостика не было видно мачт. Корабль каждые полминуты тревожно гудел. На носу, вглядываясь в белую мглу, стоял вперёд смотрящим Пётр Быстров, а у ног его сидел Стружок. Вахта Быстрова близилась к концу. Вдруг Стружок положил лапы на борт и залаял.

— Ты кого это там увидал? Нерпу? — спросил Быстров, а сам подумал: «Что, если Стружок почуял землю? Разобьётся корабль!»

И, не раздумывая больше, крикнул на мостик:

— Полный назад!

Зазвенел машинный телеграф. Корпус корабля сильно затрясло. Было слышно, как по бортам зажурчала вода от винта. Лёгкий ветерок, дувший слева, усилился. Туман поредел, и вдруг сквозь него показались чёрные скалы берега.

— Земля! — снова что есть силы закричал Быстров, а Стружок ещё сильнее залаял. Но опасность уже миновала. Корабль, пятясь задом, уходил от страшных скал.

Стружок был героем дня. Каждый старался его приласкать и угостить чем-нибудь вкусным. Даже капитан спустился с мостика и, потрепав усатую мордашку Стружка, дал ему большой кусок копчёной колбасы.

Стружок взял колбасу и спрятал под койку прозапас: он так наелся, что есть уже больше не мог.

Корабль пришёл в порт Анадырь. Команда выгрузила из трюмов муку, сахар, разные товары, а когда снова нагрузила их рыбой, кожами оленей и моржей, корабль отправился в обратный путь.

* * *

Через два месяца, на рассвете, корабль входил в бухту Золотой Рог. Владивосток ещё спал, но из порта доносился знакомый грохот лебёдок и гудки паровозов.

Почуяв родные запахи, Стружок не находил себе места. Он бегал по палубе, то и дело попадая под ноги матросов. Быстров понял состояние Стружка.

— Вспомнил родные места, соскучился, — сказал он, снимая со шлюпки брезентовый чехол, и пригласил Стружка: — Ну прыгай, сейчас на берег пойдём.

Стружок мигом перемахнул через борт шлюпки и улёгся под скамейку.

...Тяжело приходилось Пал Палычу без верного помощника. Теперь он всю ночь не смыкал глаз. Да и днём спал плохо: всё ходил по причалам, искал Стружка.

Стружок появился на дворике станции как раз в ту минуту, когда Пал Палыч пересыпал с ладони на ладонь чечевицу.

Увидев своего лохматого друга, старик вскочил. Чечевичные зёрна посыпались на землю. Стружок бросился старику на грудь, потом стал с лаем прыгать вокруг хозяина, словно хотел ему рассказать о своём путешествии. Когда первый прилив радости прошёл, Стружок обнюхал все уголки дворика и улёгся у печки, прислушиваясь, как булькает чечевичная каша.

Каша сварилась. Старик наложил первую чашку путешественнику и поставил её на землю со словами:

— Отвык, наверное, от чечевички на чужих харчах. Вишь, какой гладкий!

Стружок облизнулся. А когда каша остыла, съел всё до капельки и чашку вылизал так, что она блестела, как новенькая.

Рис. Н. ЖУКОВА

Подготовка к празднику.

ЛЮДМИЛА ГЕЦЕЛЬТЕН Рис. В. ЩЕГЛОВА

Читай, а не угадывай

Жила-была девочка Надя. Не просто девочка, а уже школьница, в новом коричневом платье с белым воротничком и в нарядном новом переднике.

Она очень любила свою школу и так гордилась ею, что всем своим видом и даже задорно вздёрнутым носом, казалось, говорила каждому:

«А знаете ли вы, что наша школа — самая лучшая школа на свете, наш класс — самый лучший в школе, а я...»

Но дальше уже никто ничего не мог бы прочитать на Надином носу. Не могла же она, в самом деле, сказать: «А я самая лучшая ученица в классе», если в действительности она ещё не научилась читать те восемь страниц букваря, которые так хорошо читали все девочки в её классе.

Правда, сама Надя была совершенно уверена, что всякий, кто говорит, будто читать она ещё не научилась, очень ошибается. Ведь она кому угодно может доказать, что знает каждое слово, написанное под каждой картинкой на каждой из восьми страниц учебника.

Как можно говорить, что Надя не умеет читать, когда она отлично знает, что девочку рядом с той картинкой, где нарисована кошка, зовут Марой, а ту девочку, что рядом с мальчиком — Машей, а мальчика рядом с Машей зовут Мишей?

Что из того, что она запомнила эти слова ещё тогда, когда Анна Ивановна в первый раз прочла их в классе! Вот скоро она вырастет, запомнит, как пишутся все слова на свете, и тогда тоже научится так гладко читать, как читают все взрослые.

А пока ей трудно приходится. Велит Анна Ивановна Наде прочесть слово «Шура», а Надя посмотрит на первую букву и говорит: «Шар».

— Не гадай, прочти вторую букву, — настаивает Анна Ивановна.

— «Шум», — говорит Надя, не глядя в книгу.

— Опять неправильно, — говорит Анна Ивановна.

— Я не умею складывать слова, — упрямо отвечает Надя и отворачивается от книги.

Так и жила она, стараясь угадать слова по первой их букве. Но слова эти, как назло, становились всё длиннее и длиннее и даже начали складываться в маленькие предложения.

Однажды Анна Ивановна оставила Надю после уроков, чтобы позаниматься с нею отдельно. Она дала девочке букварь, сказала, что скоро вернётся, и вышла из комнаты.

Надя начала нехотя перелистывать страницу за страницей.

«Вот тут написано «ау», а тут — «уа». Вот слово «мама», а вот — «мама, ау».

Надя перелистала ещё несколько страниц и вдруг увидела странную усатую рыбу, недружелюбно глядевшую на неё своими круглыми глазами.

— Интересно, как это чудо-юдо зовут,— вслух подумала Надя.

— А ты прочти, — посоветовала ей Анна Ивановна, незаметно вернувшаяся в класс.

— «С»... — прочла Надя первую букву и уже совсем было хотела сказать «сама», но остановилась, увидев укоризненный взгляд странной рыбы.

— Прочти вторую букву, — раздался голос Анны Ивановны.

«Сор», — хотела сказать Надя, не сводя глаз со странной рыбы, как вдруг ей показалось, что рыба чуть заметным движением хвоста показала туда, где была написана буква «О».

— «Со»... — в первый раз в жизни прочла, а не угадала Надя.

— «Сом»? — ещё более удивляясь, сказала она, увидев, что рыба снова шевельнула хвостом, указывая на букву «М».

— «Сом»? Сом! Правда, сом? — спрашивала она Анну Ивановну.

— Правда, правда! — улыбаясь, отвечала ей учительница.

А рыба сом уже дружелюбным взглядом смотрела на Надю и, казалось, хотела сказать: «Ну, вот мы и познакомились!»

— А не скажешь ли ты, как зовут этого мальчика? — спросила Анна Иванов-на, указывая на слово под картинкой.

— «Ро-ма», — прочла Надя и опять удивилась. Читать, оказывается, было куда легче, чем отгадывать слова.

— «О-сы», «у-сы», «у ос усы», — читала она с увлечением.

С этого дня Надя навсегда перестала отгадывать слова и быстро научилась читать плавно, чётко и выразительно.

Во второй четверти она уже была одной из лучших учениц класса и ещё больше полюбила свою школу.

Теперь Надя имела полное право сказать: «А знаете ли вы, что наша школа — самая лучшая школа на свете, наш класс — самый лучший в школе, а я — самая лучшая ученица в классе?»

Но она не говорит этого, потому что хвастаться некрасиво.

Рис. А. ГОНЧАРОВА

Рисовое зёрнышко

Сказка

Жил в одной деревне мальчик Ким. Как-то весной, в самую пору, когда надо было сеять, отец Кима заболел.

Позвал Ким лекаря. Лекарь посмотрел больного, покачал головой и сказал:

— Твой отец тяжело болен, но есть средство его вылечить — свари кашу из одного рисового зёрнышка и дай отцу. Поест отец каши и станет здоровым.

Удивился Ким: как это можно из одного зёрнышка сварить кашу? А ещё больше опечалился потому, что не было у них ни одного рисового зёрнышка; всего только и осталось немного чумизы, и ту берегли они для посева.

Обошёл Ким всех соседей. Рады бы они помочь в беде, да сами забыли, когда рис видели, — голодных ребятишек нечем накормить.

Заплакал Ким и пошёл домой.

Вот идёт он мимо высокого дерева и слышит — кто-то жалобно-жалобно пищит. Смотрит — на земле под деревом лежит птенчик: видно, из гнезда вывалился. Трепещет короткими, неоперившимися крыльями, а вспорхнуть не может.

Вокруг птенчика вьётся птичка, кричит, то к земле припадёт, то вверх, к гнезду, взлетит.

Пожалел Ким птенчика: поднял с земли, сунул за пазуху, обхватил руками ствол дерева и полез вверх. Так добрался он до гнезда и положил туда птенчика.

Только спрыгнул Ким с дерева и хотел дальше итти — подлетела к нему птичка, что над птенчиком вилась, и села на плечо.

— Подожди, — защебетала она. — Хочу я тебя за то, что ты моего птенчика пожалел, отблагодарить. Проси у меня, чего хочешь!

— Ничего мне не надо, кроме одного рисового зёрнышка! — ответил Ким и рассказал о своём горе.

— Хорошо, я твоему горю помогу! Подожди минутку! — чирикнула птичка и улетела.

Не успел Ким и оглянуться, как вернулась она обратно с рисовым зёрнышком в клюве и положила его Киму на ладонь.

Обрадовался Ким, поблагодарил птичку и побежал домой.

Вошёл он в дом, а отец лежит на цыновке и еле дышит.

Ким развёл поскорее огонь, налил в котелок воды, бросил рисовое зёрнышко и поставил котелок на огонь.

Сел и думает: «Как это из одного рисового зёрнышка каша получится?»

Только глянул, а в котелке уже каши полным-полно, даже через края ползёт.

Обрадовался Ким, снял котелок с огня, поставил перед отцом.

Съел отец кашу и выздоровел, да ещё сильнее, чем раньше, стал.

На следующее утро, только солнце из-за холмов показалось, пошли отец с сыном в поле. Целый день они работали не покладая рук, чтобы поле во-время засеять.

Возвратились домой поздно вечером голодными.

— Возьми, — говорит отец Киму, — котелок да засыпь в него чумизы — будем ужин варить!

Взял Ким котелок, хотел в него чумизы, как приказал отец, насыпать, — смотрит, а котелок рисовой каши полон.

Удивились они, сели ужинать; едят, едят, а каши в котелке не убавляется.

Побежал Ким по соседям, созвал голодных ребятишек и стал их кашей угощать.

Никогда ребята так хорошо не ужинали — такая эта каша вкусная была!

И до тех пор в котелке каши полно было, пока не наелись все досыта.

На другой день соседи помогли отцу и Киму поле засеять.

Собрали в том году отец и Ким богатый урожай.

А ребята в тех местах никогда гнёзд не разоряют; если же увидят, что птенчик из гнезда выпал, кладут его обратно.

МАРГАРИТА СЕНГАЛЕВИЧ

ПЁТР ДУДОЧКИН *Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ*

РУЧЕЙКИ

Весной солнце так припекало, что снег стал мягким, мокрым и потемнел. Когда смотришь, он кажется сухим, а наступишь на него — сразу вода появляется.

С крыш бегут наперегонки капли, а около крыльца блестит лужа.

— Ты умеешь ручейки делать? — спросила Соня своего братишку Витю.

— Умею, — ответил Витя.

— А я не знаю, как их делают, — призналась Соня.

Витя засмеялся и сказал:

— Для этого ничего не надо знать. Возьми лопатку и копай в снегу канавку — и ручеёк получится. Вот когда в школу начнём ходить, там надо будет много знать. А тут, подумаешь, ручейки!

Дети взяли маленькие лопатки, которые им подарил папа, и начали делать канавку около лужи.

Увидели на улице учительницу Нину Ивановну и громко сказали:

— Здравствуйте, Нина Ивановна!

— Здравствуйте, — ответила учительница.

Витя не вытерпел и похвастался:

— Нина Ивановна, хороший у нас ручеёк?

Учительница посмотрела и спросила:

— А куда он течёт?

— На улицу, чтоб сухо было около крыльца, — ответил Витя, ожидая, что учительница похвалит его.

Но Нина Ивановна показала детям, что ручеёк течёт как раз к соседнему дому и там уже большая лужа стала.

— Возле вашего дома будет сухо, а у соседей — мокро: это плохо, — сказала она и показала, где можно сделать канавку, чтобы вода стекала под гору, на луг.

Соня посмотрела на Витю и сказала:

— А ты говорил, что знать ничего не надо, когда ручейки делаешь!..

ЗАГАДКА

Глядит луна несмело
В широкое окно.
На тёмном небе
Белое
Рассыпано зерно.

А утром
Выйдет солнышко —
И не найти ни зёрнышка!

(Звёзды)

Б. ИОВЛЕВ

Строят новый дом. Рисунок Гули Щеглова, 6 лет, г. Москва.

На обложке рисунок Н. Гохберг—„Получила пять".

На 3-й странице портрет И. В. Сталина — цветное фото И. Шагина.

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Камнин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Л. Волкова*

Год издания двадцать восьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А00551 Подписано к печати 29/VIII 1952 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 1747

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

11009